

было возможно только благодаря щедрости царя Симеона¹. Последующие исследования В. М. Истрина неопровержимо доказали, однако, что Еллинский летописец возник в России еще в первые, домонгольские века русской письменности.²

Особое значение имеет второй вид Еллинского летописца, рукописи которого в основном древнее рукописей других видов Еллинского летописца. Второй вид Еллинского летописца уже в первой половине XIII в. оказал влияние на компилятивное „Пророчество Соломона“,³ на Хронографическую палею (в ее полном виде и отдельно — в кратком); в XV—XVI вв. Еллинский летописец второго вида оказал влияние на летописание, например на Лицевой свод XVI в.⁴ и на Русский хронограф. Этот последний при ближайшем рассмотрении оказывается составленным по схеме всемирной истории, предначертанной Еллинским летописцем второго вида, и на основании его же, в основном, материалов: заимствования Русского хронографа из Амартола, Малалы и некоторых других византийских хронистов, по существу, оказываются заимствованиями из Еллинского летописца второго вида.⁵

Несмотря на значительность Еллинского летописца, до сих пор он изучен весьма слабо. Препятствием служили: огромный объем этого памятника, сложность его состава, сложность истории его текста, насчитывающего более 500 лет действительного существования. В описаниях рукописных собраний Еллинские летописцы почти не определены и значатся большей частью под неопределенными терминами „хронограф“ или „библейские книги“.

Ввиду трудности изучения хронографов и Еллинских летописцев, в научной литературе неоднократно указывалось на необходимость привлечения к исследованию новых списков. Очень решительно высказался в этом смысле С. П. Розанов в заключении к своей работе „Заметки по вопросу о русских хронографах“: „Таким образом, первый и необходимый шаг на пути дальнейшей разработки вопроса о русских хронографах — приведение в наличность всего хронографического материала наших общественных и частных библиотек“. ⁶ Аналогично высказывались и другие исследователи.⁷

¹ Визант. врем., т. VII, вып. 1—2, 1900, стр. 34.

² В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. Изв. ОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916.—В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. II. Изг., 1922, стр. 363 и сл.

³ В. М. Истрин. Из области древне-русской литературы. ЖМНП, 1903, октябрь, В. М. Истрин относит составление „Пророчества Соломона“ к 1234 г. См. поправку этой даты на 1246 г. у А. А. Шахматова: Новая хронологическая дата в истории русской литературы. ЖМНП, 1904, январь.

⁴ Влияние Еллинского летописца на позднюю летопись до сих пор, впрочем, не изучалось.

⁵ С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах. ЖМНП, 1904, январь.

⁶ ЖМНП, 1904, № 1, стр. 136.

⁷ См., например: В. М. Истрин. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова. Изв. ОРЯС, т. XVII, кн. 3, 1912, стр. 2.